

УДК 342.3/321

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0803-0056

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ

© 2019

Шестопа́л Серге́й Станисла́вович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)

Астахов Виктор Викторович, кандидат юридических наук, профессор кафедры экономики и права

Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия» (61000, Украина, Харьков, ул. Лермонтовская, 27, e-mail: vva.nua@ukr.net)

Авилкина Анна Анатольевна, аспирант, кафедра теории и истории российского и зарубежного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: Anna.Avilkinabk@vvsu.ru)

Аннотация. Внимание статьи сконцентрировано на историческом происхождении и эволюции содержательной наполненности категории «суверенитет», многообразие современных взглядов трактовок и употреблений этой категории в современной политико-правовой сфере. Цель статьи: раскрыть исторические основания, позволившие категории суверенитета приобрести чрезвычайную актуальность и многообразие в современном мире. Суверенитет, являясь политико-правовой концепцией, отличен от других концептов и определяет не место власти, не описывает институты, которые осуществляют власть и не определяет цели власти. Понятие суверенитета раскрывает отношение политической власти к другим формам власти. Суверенитет определяет, что политическая власть отлична от других организаций в обществе, утверждает, что государственный орган является исключительным и автономным, то есть превосходит институты внутри сообщества и независим от внешних институтов власти. Однако ядром проблемы суверенитета являются сложные и невзаимные отношения между теорией и практикой в современном мире постмодерна. Методы, применяемые в данном исследовании: общенаучный анализ, сравнительно-правовой, системно-структурный, историко-правовой, логических обобщений и выводов. Результаты: рассмотрен генезис категории «суверенитета», продемонстрирована значимость и многообразие этого понятия в современной геополитике в контексте глобальных и региональных процессов интеграции.

Ключевые слова: суверенитет, независимость государства на международной арене, верховенство государственной власти, власть, государство, глобализация.

EVOLUTION OF STATE SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL AND REGIONAL INTEGRATION PROCESSES. PART 1 THE EPOCH OF MODERN.

© 2019

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in Law sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Russian and international law

Vladivostok State University of Economics and Service (690014, Russia, Vladivostok, Gogolya, 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)

Astakhov Viktor Viktorovich, Ph.D. in Law, Professor of the Economy and law Department

Kharkiv Humanitarian University "People's Ukrainian Academy" (61000, Ukraine, Kharkov, Lermontovskaya str., 27 e-mail: vva.nua@ukr.net)

Avilkina Anna Anatolievna, postgraduate student, Department of Theory and History of Russian and international law

Vladivostok State University of Economics and Service (690014, Russia, Vladivostok, Gogolya, 41, e-mail: Anna.Avilkinabk@vvsu.ru)

Abstract. The paper is focused on the historical origin and evolution of significant fullness in the category of "sovereignty", the diversity of modern views, interpretations, and applications of this category in the modern political and legal area. The paper is aimed to reveal the historical justification, which allowed the category of sovereignty to acquire extreme relevance and diversity in the modern world. Relevance and research methods: historical validity, analysis, comparison and systematization, the logic of the generalization of arguments leading to conclusions. Results: considered the genesis of the category of "sovereignty", demonstrated the growing importance and diversity of this concept in modern geopolitics.

Keywords: sovereignty, independence of the state in the international arena, the supremacy of state power inside the country, power, state, globalization, modernity, postmodernity

Введение. «Суверенитет» является центральной концепцией международных отношений (МО), международного права (МП), политической теории, политической философии и современной истории. Современное концептуальная трактовка категории «Суверенитет» находится в активнейшем эволюционном процессе. Многообразие значений и трактовок, выработанных государствами, различными международными организациями и другими глобальными субъектами, заключенных в идее суверенитета в прошлом столетии, стерлись сегодня при традиционной концептуализации того, что она собою представляет. Возможно, больше всего, ограничения суверенитета были изменены, поскольку транснациональные проблемы конкурируют с внутренними проблемами в отношении приоритетов. Более существенно, области и границы действия суверенитета

были изменены, в эпоху, когда транснациональные проблемы вступили в конкуренцию с внутренними проблемами в отношении приоритетов [1-3]. Здесь мы не будем касаться политико-экономических трактовок американского политолога Габриэля Алмонда, считавшего, что есть всего четыре обстоятельства, которые оказывают влияние на любое государственное образование в нынешнем мироустройстве:

- 1) внешнеторговый оборот;
- 2) направление потоков денег;
- 3) потоки людей, на отдых, учебу и работу;
- 4) языки, изучаемые в стране, т.е. – культурное взаимодействие [4].

Однако, философско-правовая категория *суверенитет*, оказавшись в активном лексиконе политиков и политологов, трактующих геополитические столкнове-

ния глобализационных и анти-глобализационных тенденций современного мира, приобретает чрезвычайную актуальность, что естественно требует рассмотрения (а порою и пересмотра) традиционных, эволюционных и современных трактовок этого понятия. Безусловно, рассмотрение генезиса того или иного понятия, категории всегда носит отпечаток времени и, безусловно, позиции авторов этого действия, и поэтому внимание уделяется, конечно же, в контексте нынешней быстро варьируемой геополитической ситуации и бесспорно не свободна от влияния геополитических приоритетов авторов.

Суверенитет – проблема определения. Известный американский историк и политолог в своей известной лекции. Прочитанной на сессии Американского Союза историков в Стэнфорде, особое внимание уделено проблеме суверенитета, подчеркнув, что это, прежде всего, проблема определения.

Высшая власть на территории - это общее определение суверенитета. Суверенитет, очевидно, является политической концепцией, но в отличие от политических концепций, таких как демократия или монархия, речь идет не о месте власти (суверен, писал Гоббс, может быть «одним или многими»); в отличие от парламента или бюрократии, он не описывает институты, которые осуществляют власть; и в отличие от порядка или справедливости, он не определяет цели власти. Понятие суверенитета связано с отношением политической власти к другим формам власти. Суверенитет предполагает, прежде всего, что политическая власть отличается от других организаций в обществе - религиозных, семейных, экономических. Во-вторых, суверенитет утверждает, что этот государственный орган является исключительным и автономным, то есть превосходит институты внутри сообщества и независим от внешних институтов власти. Теоретически суверен не может быть чьим-либо вассалом: дома, суверен имеет полностью господствующую власть, являясь высшим господином внутри своего государства; за границей, они равны другим суверенам. Иногда удается усложнить определение суверенитета, понятие суверенитета обманчиво легко определить. Проблема суверенитета находится в сложных и невзаимных отношениях между теорией и практикой. При этом совершенно необходимо избегать того, что Квентин Скиннер назвал «коварством доктрины», т. е. тенденцией превращать идеи в вещи, понятия в условия, нормы в описания. Преодоление этой тенденции и особенно распространенное в теоретических трудах о суверенитете - требует, понимания и трактовки суверенитета как доктрины, комплекса действий, способа мышления о политике и формы политических действий. Как доктрина, суверенитет обычно считается единым и неотделимым; однако, как действие, - множественен и делим. Парадигма суверенитета в постоянной напряженности между порядком и единством, обещанными теорией, компромиссами и переговорами, навязанными политической практикой. Проблема суверенитета тесно связана с установлением границ. Границы измеряют, куда простирается власть суверена, и где она останавливается. Первоначально суверенные границы были юрисдикционными и личными, что указывало на степень владения суверенами своими субъектами. Со временем эти границы расширялись в пространстве, что означало территориальные ограничения, в которых могла бы осуществляться суверенная власть. История проблемы суверенитета - это в значительной степени история того, как эти границы - как институциональные, так и территориальные - определяются и защищаются. А, следовательно, суверенитет всегда связан с государственной безопасностью, охраной границ, и как следствие с войнами за изменение границ.

Суверенитет абсолютный или не абсолютный. Алан Джеймс, например, утверждает, что суверенитет может быть либо настоящим, либо отсутствующим, и не может существовать частично [5]. Боден и Гоббс считали суве-

ренитет абсолютным, распространяя его на все вопросы на территории, безоговорочно. Сегодня, однако, многие государства-члены Европейского союза (ЕС) демонстрируют не-абсолютность суверенитета.

Суверенитет «внутренний» и «внешний». Две важнейшие формы реализации суверенитета, которые являются сосуществующими и вездесущими. Суверенные полномочия осуществляются в пределах границ, но также, по определению, в отношении посторонних, которые не могут вмешиваться в управление суверена. Государство является главным держателем внешнего суверенитета со времен Вестфальского мира в 1648 году, после чего вмешательство в правящие прерогативы других государств стало незаконным. Понятие суверенитета в международном праве чаще всего означает внешний суверенитет - свобода государства от внешнего влияния на его основные прерогативы [5, с.460-462]. Примечательно, что внешний суверенитет зависит от признания посторонними. Внешний суверенитет, основа международных отношений. Собрание государств, как внутренне, так и внешне суверенных, составляет международную систему, в которой суверенные объекты объединяются, торгуют, воюют и заключают мир.

Суверенитет: от божественного до атеистического (материалистического). Категория «суверенитет» имела различные концепции в различные эпохи в зависимости от исторических моментов, идеологии, научных школ, национальных интересов или интересов международных организаций. Это понятие имеет ключевое значение, верховную власть на территории, что и есть, по сути современным понятием политической власти. Происхождение этого понятия следует рассматривать, основываясь на трех основных составляющих: держатель суверенитета, абсолютность суверенитета и внутренне и внешне аспекты суверенитета. Государство - это политический институт, в котором воплощен суверенитет. Собрание государств образует систему суверенных государств.

В качестве важного атрибута государственной власти государственный суверенитет появился одновременно с государством, но взгляды и идеи суверенитета возникают гораздо позже, в конце средневековья. В течение этого периода великие умы, работавшие в области международного права, такие как Альберико Джентили Франциско Суарес, Франсиско де Витория развивают различные теории о «расширенном суверенитете» и независимости государств [6].

Канторович Э.Х. в своей работе «Два тела Короля» [6] указывает, что в эпоху средневековья происходила глубочайшая трансформация концепции политической власти. Перемены начались, когда понятие «тела Христова» превратилось в понятие двух тел: одно, собственно тело, освященное на алтаре, другое, некое мистическое тело, социальное тело церкви с сопутствующей ему административной структурой. Это понятие - коллективной социальной организации, имеющей прочную, мистическую сущность, - будет преобразовано в политическое бытие, в политическое тело. Далее в Канторович описывает появление в конце средневековья концепции двух тел короля, ярко представленной Шекспиром в Ричарде II. В то время как естественное смертное тело умерло со смертью короля, считалось, что Богом данный король обладал также сверхъестественным вечным телом, которое невозможно было уничтожить даже путем убийства, поскольку оно представляло мистическое достоинство и справедливость политического деятеля. Государство, ставшее доминирующим в средневековой Европе, показало качества коллективности - единственный, единый, внутри ограничений территориальными границами, обладающий единым набором интересов, управляемый властелином, который был объединен в единое целое и господствующее положение в интересах государства. У истоков эпохи нового времени этой властью будут владеть короли, но в дальнейшем её будут

захватывать люди, управляющие конституцией, нациями, Коммунистической партией, диктаторы, хунты и теократии. Существует определение, которое отражает то, что суверенитет означал в ранней современной Европе, большинство последующих определений являются его вариантами: существование верховной (полной) власти на своей территории. Это качество, которым обладали ранние современные государства, но которых не доставало папам, епископам и большинству дворян и вассалов в средние века.

Развитие конкретных представлений о суверенитете, - напоминает нам Джеффри Хербст [7]- сильно зависит от конкретной политической географии. Самым ярким признаком политической географии средневековой Европы, где были сделаны первые суверенные требования, была факт, что в нем уже содержится ряд хорошо зарекомендовавших себя институтов. Как отметил Чарльз Тилли в «Размышлениях об истории создания европейского государства» [8]. В древнем мире концепция суверенитета не существовала, как утверждает Георг Еллинек «в силу отсутствия необходимости» европейские государственные деятели, в отличие от своих коллег в Китае или Риме, не расширялись от организованного центра до «слабо организованной периферией». Это означало, что европейские государственные махины не могли просто захватить и уничтожить своих соперников; они должны были поглощать, подчинять или учиться жить с ними. Поэтому с самого начала установление границ, которые определяли и ограничивали сферы власти, было центральной частью проблемы суверенитета.

На протяжении большей части европейской истории самым важным соперником суверенных претендентов была, конечно же, Церковь. Усилия политических властей по сбору налогов, установлению правил и назначению должностных лиц постоянно проверялись религиозными институтами, которые выдвигали конкурирующие претензии к суверенной власти или стремились защитить свои ресурсы и юрисдикции от внешнего вмешательства. Таким образом, история суверенитета обеспечивает мощную поддержку понимания Леопольдом фон Ранке о том, что разделение Церкви и государства было «величайшей, самой глубокой характеристикой христианской эры». Комплексные, нестабильные и глубоко противоречивые отношения между секулярными и религиозными властями были, по его мнению, «одним из самых важных факторов во всей истории» [9 с.16-17]. Начиная со средневекового конфликта между папой и императором, попытки европейцев определить, что принадлежит Богу и что принадлежит Цезарю, мощно и настойчиво формируют требования суверена к внутренней власти и международной автономии. Будучи конкурентом, но также моделью и соавтором, Церковь сыграла решающую роль в эволюции суверенитета не только в средние века, но и в последующие времена. Например, в 1790 году конфликт в отношении гражданской конституции и духоупства стал ключевым моментом в развитии Французской революции. В течение более чем столетия после этого споры между Церковью и государством играли заметную роль во французской политике. Культурные войны между религиозными и светскими властями помогли сформировать немецкую политику в девятнадцатом веке. А в Великобритании недоверие к католическому влиянию оставалось даже после того, как вопрос о правовой секуляризации был разрешен.

Насилие было и остается важной частью истории суверенитета. Слишком часто границы суверенной власти, были нарисованы кровью. Как указывает Хенрик Спрёйт, наиболее важной причиной, по которой территориальное государство преобладало над альтернативными формами политической организации, была превосходная способность государства использовать насилие [10]. Блестящий пример роли насилия в истории государств [11]. Тем не менее, суверенитет никогда не бывает просто вопросом силы. Государственные де-

ятели всегда больше, чем то, что В.И. Ленин цинично называет «бандами вооруженных людей», даже если некоторые из них действительно начинали именно так. Суверенитет сочетает принуждение и соответствие, грубую силу и юридические обязательства. Как отметил Жан-Жак Руссо [12], Андреас Антер назвал концепцию легитимности Вебера «архимедовой точкой его политической социологии». [13], даже «сильнейший никогда не бывает достаточно сильным, чтобы оставаться вечным хозяином, если только он не превратит силу в закон и послушание в долг». Вот почему ключевым словом в концепции Вебера о «монополии насилия» государства является модификатор *leggitimate*. «Мы не должны предполагать, что мы полностью упразднили понятие государства, - отметил Алессандро Пассерин де Энтресес [14] - если мы не сможем объяснить, как сила, сначала легализованная как власть, становится в свою очередь легитимной как авторитет».

Европа пост-Вестфальского суверенитета. Первым и главнейшим этапом в развитии и реализации понятия суверенитет стало развитие системы суверенных государств, кульминацией которой стал Вестфальский мир, подписанный в 1648 году. Одновременно суверенитету стали уделять внимание такие в политические мыслители как Макиавелли, Лютер, Боден и Гоббс.

Именно в Вестфальском мире в 1648 году Европа объединила свой долгий переход от средневековья к миру суверенных государств. По словам Ж.Р. Стрейера [15], Великобритания и Франция были очень похожи на суверенные государства примерно в 1300 году, поскольку их короли, обладали полнотой власти на ограниченных территориях.

Какие особенности Вестфалии делают ее источником системы суверенных государств?

Во-первых, государства возникли как фактически единственная форма материальной конституционной власти в Европе, их авторитет больше не оспаривается Священной Римской империей. Дипломатические коммуникации и внешнеполитические проекты великих держав выявили общее понимание системы суверенных государств. Полномочия Церкви также были ограничены до такой степени, что они больше не оспаривали суверенитет государства. В ответ Папа Иннокентий X осудил договоры мира как «недействительные, недействительные, несправедливые, несправедливые, проклятые, осуждающие, глупые, без смысла и влияния на все времена» [16].

Во-вторых, Вестфалия положила конец длительной эре вмешательства в религию, вплоть до наиболее часто применяемого сокращения суверенных прерогатив. После десятилетий вооруженных столкновений коэструкция Аугсбургского мира (Peace of Augsburg) окончательно консолидировалась не в точном виде 1555 года, а устанавливая авторитет князей и королей над религией. По мере того как система суверенных государств стала более обобщенной в последующие десятилетия, запрещение вмешательства религии станет более общим, превратившись в основную норму международной системы.

Была ли система суверенных государств сформирована в Вестфалии, произошло ли это позже или она всегда оставалась неортодоксальной, ее основная форма, тем не менее, распространилась по всему миру в течение следующих трех столетий. Сегодня нормы суверенитета закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций, статья 2 п.4 запрещает нападения на «политическую независимость и территориальную целостность» и а 7 пункт этой статьи резко ограничивает интервенцию.

Закон всегда был важной чертой политического ландшафта Европы. В Риме закон был основой политического порядка, «единственным гарантом непрерывности «цивилизации» [17, с.42-43]. В средневековый период, когда были сделаны первые суверенные требования, наследие римского права сосуществовало с канониче-

ским правом Церкви и множество других правовых систем [18-21]. Теоретическую кристаллизацию этого длительного процесса можно увидеть в идеях Жана Бодена, который в конце шестнадцатого века придал учению о суверенитете основополагающее значение. Боден рассматривал суверена как главного законодателя, источника власти, который сразу же находится над земными правилами, находясь в божественной правовой иерархии [22-24].

Как в теории, так и в практике, право имеет первостепенное значение для истории суверенных требований. Правовая система объединяет нормы и насилие, общие и конкретные, ценности и опыт. Законы пытаются установить границы между государственными и частными учреждениями, обсуждать потребности сообщества и права отдельных лиц, определять, где начинается и заканчивается законная власть. Определяя, какие политические власти могут и чего не могут сделать, закон затрагивает напряженность между применением и сдержанностью власти, которая лежит в основе суверенитета. «Сама природа политического права, - писал Роберт М. Маклавер, - устанавливает эффективные пределы его сферы деятельности» [25].

Расширение правовой системы было не просто инструментом расширяющегося суверенного авторитета, это был сам процесс. Современные европейские государства были созданы на полях сражений и баррикад, в парламентских дебатах и дипломатических переговорах; они формировались в залах судебных заседаний и бюрократических учреждениях. К середине девятнадцатого века кодексы и конституции, административные регламенты и судебные решения превратили принятие суверенных требований в судебный процесс. Почти везде в Европе правовой порядок заменил монархический или религиозный авторитет как наиболее важный источник политической легитимности.

Легализация суверенных требований государства была тесно связана с территориальной консолидацией государства. Утверждение Пола Кана о том, что «пространство Закона всегда ограничено», возможно, не всегда универсально, но это, безусловно, верно для Европы девятнадцатого века. Коды и конституции определяли правовую основу политики, а также физическое пространство, в котором эта основа была действительной. «Верховенство права всегда реализуется в пределах определенной территории. Мораль может быть без границ, но правило закона начинается только с воображением юрисдикции» [26].

Территориальный суверенитет был не просто вопросом построения линий на карте; это потребовало консолидации внутренней власти. Военная служба, обязательное образование и налоги усиливали требования суверена контролировать общественную жизнь. В то же время государственные деятели девятнадцатого века успешно внедряли новые технологии для освоения своих территорий: железные дороги, телеграф, а также технологии знаний, такие как перепись и наблюдение, такие как паспорт и удостоверение личности [27,28]. Цель этих усилий заключалась в создании единого политического пространства, открытого для государственной власти. Тем не менее, в течение девятнадцатого века суверенные устремления и акты государств расширились на всем континенте. Эти устремления и достижения были отражены в юридической и теоретической литературе, которая продолжает формировать наши предположения о том, что значит быть государством.

В то же время, что суверенные требования все сильнее пронизывали законы и конституции и более тесно связаны с четко определенными территориальными единицами, проблема суверенитета трансформировалась его объединением с принципом национального самоопределения. Гражданство теперь присоединилось к закону и территории как к главному элементу государственности. Аутентичные государства должны были основываться

на национальных сообществах; Предполагалось, что подлинные народы должны иметь свои собственные государства. В 1790-х годах, во время французской революции, нация, казалось, была естественным союзником государства. Государственные органы теперь могли декларировать свои суверенные требования не от имени правителя или какого-то фиктивного юридического лица, а от имени жизненно важного сообщества, которое сформировалось общей историей и которое разделяло общую судьбу. Коллективная идентичность страны означала границы территории государства, так как гражданство граждан гарантировало их членство в политическом сообществе. Для его сторонников и защитников национальное государство было необходимым объединением двух самых мощных политических сил эпохи [29,30].

Однако на практике объединение суверенитета и национального самоопределения было постоянным источником беспорядков и зачастую насилия. Неудивительно: у них были очень разные теоретические корни и представляли собою разные формы политической практики. Истоки суверенитета были в правителях, власти и господстве. Хотя суверенитет часто оспаривался, его институциональные выражения можно объективно измерить; суверенитет является вопросом пограничных маркеров и правовых норм. Национальное самоопределение было революционным по своему происхождению и последствиям, оно рождается из стремления людей к новым видам приверженности и сплоченности. Национальная идентичность была по своей сути субъективной, вопросом построенных историй и общих эмоций. Когда государство предъявляло свои суверенные требования во имя нации, эти требования становились более актуальными и трудно достижимыми. Однако ассоциация с национализмом усилила эту настойчивую напряженность между суверенной теорией и практикой. Народы и национальное сознание, безусловно, имеют долгую историю. Сочетание национальности и суверенитета, появившееся в конце восемнадцатого века, создало два совершенно современных продукта, национализм и национальное государство [31].

Версии трактовки суверенитета, основанные на работах Гоббса и Бодена, просочились и в двадцатый век. Так немецкий философ и юрист начала двадцатого века Карл Шмитт, явно ссылаясь на обоих этих философов. Его политическая теология, первоначально опубликованная в 1922 году, открывается утверждением: «суверен - это тот, кто решает по исключению» [32]. Шмитт считал, что суверен был выше любого конституционного закона и должен был «принять решение» на благо государства во время чрезвычайного положения. Он мало уважительно относился к либеральному конституционализму, который он считал совершенно неадекватным, чтобы сдерживать борьбу за власть, которой занимается политика. По большому счету, мало что указывает на то, что, по крайней мере, в этой работе Шмитт думал, что суверен связан божественным законом или естественным правом. Либеральный конституционализм Веймарской Германии был его главным доказательством этой убежденности; в 1930-е годы он горячо поддерживал национал-социалистический режим, чьи чрезвычайные полномочия были только теми, которые он считал необходимыми [32].

После первой волны англо-американского интереса к работам Карла Шмитта в 1980-е годы, Шмитт снова занял центральное место в научных дискуссиях о суверенитете на волне событий 11 сентября, активизирующий американский империализм и глобальную войну с террором. В частности, определенная часть современной континентальной политической философии стремится мобилизовать его идеи для критики имперского универсализма, гуманитарного вмешательства и нормализовать законодательство регулирующее чрезвычайные ситуации. Хотя многие ученые и высказывают предостереже-

ния от использования Шмитта в критиках политических теорий [33, 34].

Проблема примирения суверенитета и самоопределения доминировала в европейской политике в первой половине двадцатого века. Варианты этой проблемы встречаются повсюду в начале 1900-х годов: в Ирландии, в Скандинавии, где Норвегия мирно отделилась от Швеции в 1905 году; в Испании, где в 1909 году в Каталонии разразились столкновения и демонстрации; и, конечно же, в эндемичных политических проблемах многонациональных империй. Безусловно, наиболее волнительная и последовательная напряженность между государствами и народами существовала в новообразованных национальных государствах Юго-Восточной Европы, где хрупкие правительства пытались отстаивать свои суверенные требования на территориях, заполненных неассимирированными меньшинствами с неудовлетворенными национальными амбициями. Все эти государства - Греция, Сербия, Болгария, Румыния – заявляли претензии на территории за пределами своих границ; все они вмешивались во внутреннюю политику своих соседей и, в свою очередь, подвергались иностранной интервенции [35-37]. Из-за их местоположения в сломанном ландшафте, соединяющего три последние многонациональные империи Европы, конфликты между суверенитетом и национализмом в этих государствах прямое и глубоко дестабилизирующее воздействие на международную систему в целом. Именно здесь воспламенилось то, что Лоуренс Лафо назвал «длинным предохранителем», ведущим к пожару 1914 года [38].

Эта катастрофа закончилась очевидным триумфом принципов суверенитета и национального самоопределения. Многонациональные империи Европы не пережили войну. Вместо них от Балтийского моря к восточному Средиземноморью потянулась цепь новых или вновь расширенных государств. Завет Лиги Наций признал нормативный характер суверенного государства, гарантируя суверенную независимость своих членов. Но между теоретическим триумфом суверенного государства и реалиями политической жизни зияла пропасть: еще никогда, после времен религиозных войн шестнадцатого века не было труднее реализовать прочность суверенитета стабильности и порядка. В Ирландии жестокая гражданская война переопределилась, но не разрешила напряженность между государством и нацией. Греция и Турция обменялись меньшинствами, создавая большое количество жалких беженцев в обеих странах. В новых государствах Восточной Европы ни одно правительство не было достаточно сильным, чтобы асимилировать свои национальные меньшинства или обеспечить соблюдение прав, которые они обещали. В результате большинство из этих государств переживали и зачастую подстрекали к насилию этнические и региональные конфликты как внутри их границ, так и за их пределами [39-42].

С точки зрения 1920-х и 1930-х годов трудно понять, как кто-то мог поверить в неумолимый подъем суверенного государства. Всюду в Европе государства подвергались нападениям, были неспособны защищать свои суверенные требования, защищать свои границы или поддерживать верховенство закона. Столкнувшись с этим кризисом европейского государства, некоторые наблюдатели решили, что корень проблемы – это сам суверенитет. «Великий враг сегодняшнего дня, – писал Бронислав Малиновский в 1941 году [43], – является суверенное государство». В том же году Гарольд Ласки заявил, что «политические науки получат иметь долгосрочную выгоду, если откажутся от всей концепции суверенитета» из-за его «опасных моральных последствий» и его «сомнительной правильности». В 1942 году Хайнц Евлау, вначале своей долгой и выдающейся карьеры политолога, предупредил, что кризис смысла суверенитета «является симптомом всеобщего кризиса в нашей реальной политической и исторической, а также Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3(28)

интеллектуально-идеологической ситуации» [43,44].

Самым токсичным (вредоносным) продуктом этого кризиса был национал-социализм, который предлагал радикальное решение напряженности между государствами и народами. Нацистское руководство мыслило в терминах скорее рас, чем государствами, пространств, а не ограниченными территориями, расширения власти, а не законного господства. Как писал в 1942 году известный немецкий юрист Вернер Бест, такие термины, как «расширенный пространственный порядок» и «расширенное пространственное администрирование», отражают новые политические реалии, к которым такие традиционные понятия, как «международное право» и «конституционное право» больше не применялись [45]. Как и правители колониальных империй Европы, нацисты хотели «расширения политической власти без основания политического органа», то есть власти без ограничений, которые всегда были присущи суверенным требованиям [46]. Модель нацистского правления не была юридически определенной властью суверенного государства, а неограниченной властью колонии и концентрационного лагеря. Именно такую власть они пытались навязать завоеванной Европе в период между 1939 и 1945 годами [46].

Вторая мировая война, как и первая, закончилась очевидным триумфом суверенного государства. По мере того как фашистская военная машина уничтожалась, протектораты, установленные в гитлеровской Европе, были сметены. Довоенные государства были восстановлены. Устав Организации Объединенных Наций, такой как Пакт Лиги, подтвердил центральную роль суверенитета как принципа международного порядка: статья 2 первой главы заявила, что организация «основана на суверенном равенстве всех ее членов», в то время как статья 7 утверждает, что ООН не будет вмешиваться «в дела, которые по существу находятся под юрисдикцией какого-либо государства» [47]. Еще раз суверенное государство было определено как нормативный способ организации политического пространства.

Но в 1945 году, как и в 1919 году, между нормами и практикой существовал широкий разрыв между тем, что обещала доктрина суверенитета, и что может позволить реальный мир политических действий. После первой мировой войны этот пробел был связан с неспособностью европейцев создать международный порядок, достаточно сильный, чтобы сдерживать конфликты и внутри государств, и между государствами; после второй мировой войны, это было связано с установлением биполярного порядка новыми сверхдержавами мира: Соединенными Штатами и Советским Союзом. В Восточной Европе суверенитет отдельных государств был непосредственно ограничен Советской властью. Хотя ограничения с течением времени менялись и варьировались от места к месту, способность каждого восточноевропейского государства предъявлять суверенные требования была значительно ограничена. На западе ситуация была более сложной. Но и здесь биполярное разделение Европы изменило характер и контекст сосуществования. Американское влияние, советская угроза, опасения оживающей Германии и широкое стремление избежать еще одной европейской войны убедили западноевропейские государства вступить в сеть многосторонних соглашений, которые фактически ограничили бы их суверенные полномочия. Ключевыми игроками в этих соглашениях были немцы, которые приняли беспрецедентные ограничения на свою суверенную независимость в обмен на их возвращение в общество европейских государств. Как то, что один аналитик назвал «открытым государством», Федеративная Республика Германия стала явным проявлением проблемного характера суверенитета в послевоенную эпоху [48,49].

Выводы

Подытоживая изложенное, необходимо подчеркнуть, что категория «государственный суверенитет»

является фундаментальной признаком государства. Для закрепления в праве он должен быть концептуально оформленный, то есть, переведен в разряд юридических конструкций, раскрывает специфику государственной власти. Одновременно суверенитет выступает элементом более сложной юридической конструкции - государства. Раскрывая историю вопроса подходов к концепту суверенитета, мы сталкиваемся не только с многообразием, но и с многообразием подходов к самой государственной власти, а, следовательно, и сущности самого государства. В течение длительного времени, начиная с Вестфальского мира и вплоть до окончания второй мировой войны, концепция «суверенитета» восходила к своей монархической природе, оставаясь в рамках базовых определений XVII века [50-59]. Основные проблемы с трансформацией концепта суверенитета начинаются вместе с крушением биполярного мира и началом глобальных интегративных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – 4-е изд., – М.: НОРМА, 2004. – 944 с.
2. Алексеев С.С. Право: Азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 711 с.
3. Алексеев С.С. Возрождение к праву: Поиски и решения. - 2-е изд., М.: НОРМА, 2002. 608 с.
4. Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. — М.: АспектПресс, 2002. — 537 с. — ISBN 0-321-01858-3, 5-7567-0261-X.
5. James A. The Practice of Sovereign Statehood in Contemporary International Society. *Political Studies*, 47(3): A., 1999. Pp.457-473.
6. Канторович Э. Два тела короля // Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара. – 2014. – С. 333.
7. Herbst Jeffrey. States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton, N.J., 2000, 312p.
8. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe, 24. Princeton University Press, 1975, 711p.
9. Ranke von L. Die romischen Papste in den letzten vier Jahrhunderten, 3rd ed. Cologne, 1962, pp.16-17.
10. Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change Princeton, N.J., 1994. 304p.
11. Reinhard W. Geschichte der Staatsgewalt: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. Beck, 1999, 128p.
12. Rousseau J.-J. The Social Contract, Book I, © Jonathan Bennett 2017, chap. 3, p.2.
13. Anter A. Max Webers Theorie des modernen Staates: Herkunft, Struktur und Bedeutung Berlin, 1995.266 p.
14. Passerin d'Entreves A. The Notion of the State: An Introduction to Political Theory. Oxford, 1967, 232p.
15. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton University Press, 2016, 144p.
16. Maland D. Europe in the Seventeenth Century, London: Macmillan. 1966. 466p.
17. Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent, in The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union. Cambridge, 2002, pp. 42-43.
18. Helmholz R. H. The Spirit of Classical Canon Law. Athens, Ga., 1996. Pp. 367-371.
19. Bouwsma W. "Lawyers and Early Modern Culture," in A Usable Past: Essays in European Culture and History. Berkeley, Calif., 1990, pp.129-156.
20. Berman H. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, 1983, 657p.
21. Kelly J. A Short History of Western Legal Theory. Oxford, 1992, 488p.
22. J. Bodin & M. J. Tooley Six Books of the Commonwealth, *Philosophy* 32 (122):278-279 (1957)
23. Franklin J. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory. Cambridge, 1973, 113p.
24. Holmes S. Passions and Constraint: On the Theory of Liberal Democracy. Chicago, 1995, 352p.
25. MacIver R. The Modern State. Oxford, 1926, 149p.
26. Kahn P. The Cultural Study of Law: Reconstructing Legal Scholarship. Chicago, 1999, pp.55-56.
27. Maier Ch, "Consigning the Twentieth Century to History: Alternative Narratives for the Modern Era," *AHR* 105, no. 3 (June 2000): pp.807-831.
28. Rosanvallon P. L'Etat en France de 1789 a nos jours. Paris, 1990, 370p.
29. Hont I. "Permanent Crisis of a Divided Mankind: 'Contemporary Crisis of the Nation' in Historical Perspective," *Political Studies* 42, 1994, pp.166-231.
30. Breuilly J. Nationalism and the State, 2nd ed. Manchester, 1993, 482p.
31. Scales L. and Zimmer O., eds. Power and the Nation in European History. Cambridge, 2005, 389p.

32. Schmitt C. *Political Theology, Four Chapters on the Concept of Sovereignty*, Chicago: University of Chicago Press, 2005, 70p.

33. Schwab G. (trans.), Chicago: University of Chicago Press, 2005. Scheuerman W. E. Survey Article: Emergency Powers and the Rule of Law After 9/11, *Journal of Political Philosophy*, Volume 14, Issue 1, March 2006. Pp 61-84

34. Minca C., Rowa R. *On Schmitt and Space*. Taylor&Francic books, 2016, 285 p.

35. Stephen D. Krasner, *Sovereignty. On the internal politics of the Balkan states*. Princeton University Press; 1999ю 280 p.

36. Jelavich Ch. and B. *The Establishment of the Balkan National States, 1804-1920*. Seattle, Wash., 1977, 358p.

37. Boeckh K. *Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg: Kleinstaatenpolitik und ethnische Selbstbestimmung auf dem Balkan (Südosteuropäische Arbeiten)*. Munich, 1996, 418p.

38. Lafore L. *The Long Fuse: An Interpretation of the Origins of World War I*. Philadelphia, Pa., 1965, 282p.

39. Maier C. *Consigning the Twentieth Century to History: Alternative Narratives for the Modern Era*. *AHR* 105, no. 3, June 2000, pp. 807-831.

40. Macartney C. A. *National States and National Minorities*. London, 1934, 540p.

41. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York, 1981, 290p.

42. Knippenberg H. and Markusse J. eds., *Nationalising and Denationalising European Border Regions, 1800-2000: Views from Geography and History*. Dordrecht, 1999, 240p.

43. Malinowski B. *War—Past, Present, and Future*, in Jesse D. Clarkson and Thomas C. Cochran, eds., *War as a Social Institution: The Historian's Perspective*, New York, 1941, 334p.,

44. Eulau H. *The Depersonalization of the Concept of Sovereignty*, "The Journal of Politics", vol. 4, no. 1, Feb., 1942, pp. 3-19.

45. Best W. *Survey of International Affairs, 1939-1946*. London, 1954, vol. 4, p. 52.

46. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*, New York, 1973, 704p.

47. «Устав Организации Объединенных Наций» (Сан-Франциско 26.06.1945) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121087&fld=134&dst=100021,0&nd=0.8090657812481015#02249441422791778>

48. Hobe S. *Statehood at the End of the 20th Century: The Model of the 'Open State'—A German Perspective*, *Austrian Review of International and European Law*, 1997, pp. 127-154.

49. Herbst L. "Wie souveran ist die Bundesrepublik?" in W. Benz, ed., *Sieben Fragen an die Bundesrepublik: Vorträge aus dem Institut für Zeitgeschichte*. Munich, 1989, pp.72-90.

50. Sheehan, J. J. *The Problem of Sovereignty in European History*, *American Historical Review*:Feb.2006, Vol. 111 Issue 1, pp.1-15.

51. Astakhov V. V. et al. *Instrumental and Technological Directions to Ensure Economic Security of Enterprise* // *International Review of Management and Marketing*. – 2016. – Т. 6. – №. 1S. – С. 172-178.

52. Алексеева Н. В., Астахова Е. В. сравнение финансовой системы и бюджетного процесса России и зарубежных стран // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2017. – Т. 6. – №. 3 (20)

53. Шестопал С.С. Соотношение суверенитета государства и экстерриториальности права в контексте глобализации // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 375-380.

54. Яковюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопал С.С. Европейский союз сквозь призму имперской модели власти. // *Право и политика*. 2016. № 12. С. 1473-1481.

55. Шестопал С.С., Олейников С.Н., Мамычев А.Ю. Философия естественного права Жака Маритена как теоретический фундамент прав человека. // *Юридические исследования*. 2016. № 11. С. 45-59.

56. Мамычев А.Ю., Вронская М.В., Филиппова М.К. Социально-культурная и политико-экономическая жизнеспособность государственного суверенитета в XXI веке // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 224-227.

57. Shestopal S.S., Oleynikov S.N. *Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law*. *Journal of Scientific Research and Development*. 2016. № 3. p. 96.

58. Yakovyuk I. et al. *The concept of "Imperial Federalism" in the service of European integration: history and contemporaneity* // *National academy of managerial staff of culture and arts herald*. – 2018. – №. 2. – С. 214-222.

59. Яковюк И.В., Шестопал С.С. Государственный суверенитет и суверенные права: проблема соотношения // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 381-387.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (a1)

Статья поступила в редакцию 05.07.2019

Статья принята к публикации 27.08.2019